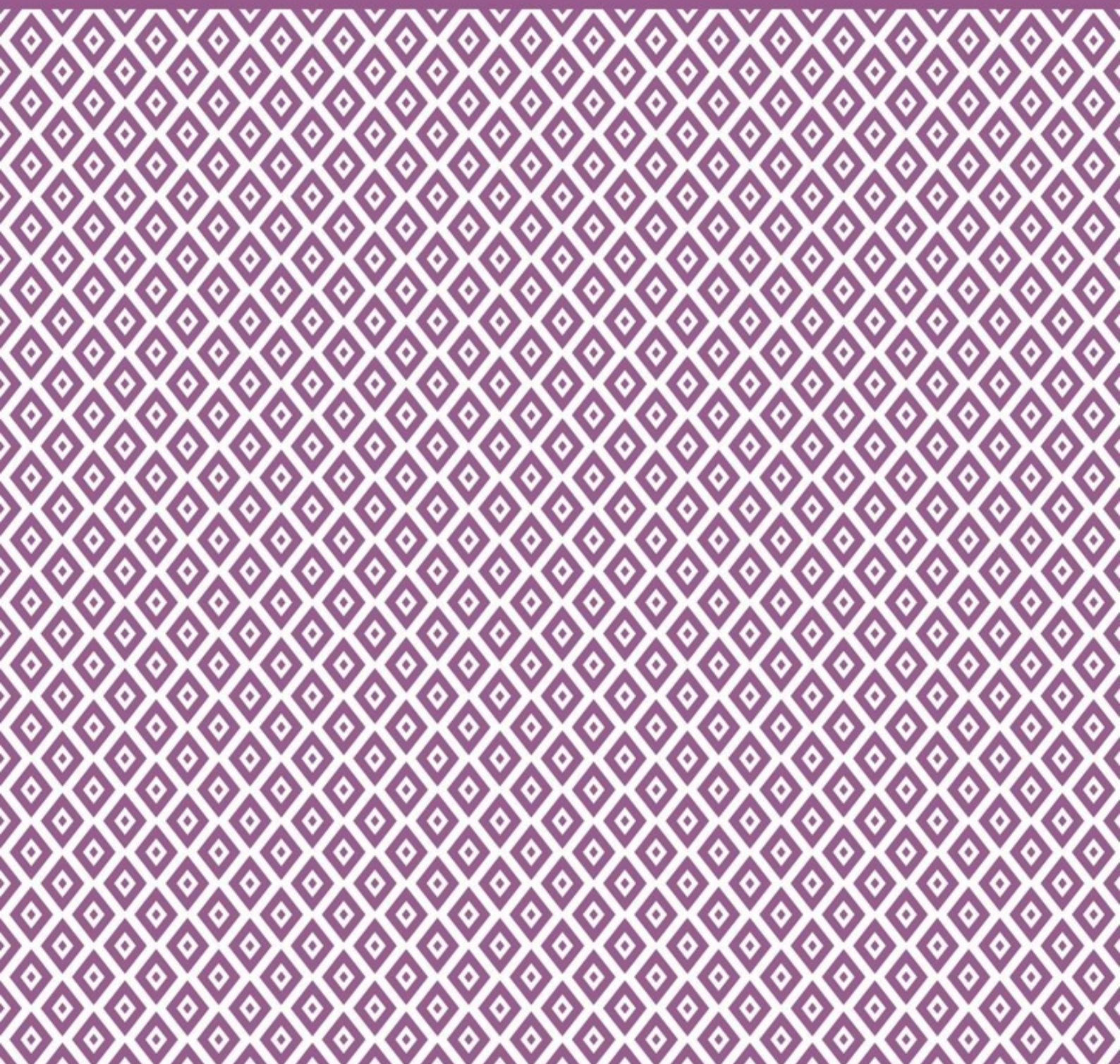

Татьяна Гаврилина
Филарет

Татьяна Гаврилина

**Филарет. Историческая
повесть в стихах**

«Издательские решения»

Гаврилина Т.

Филарет. Историческая повесть в стихах / Т. Гаврилина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908284-8

Повесть «Филарет» написана в стихах. Она повествует о человеке удивительной судьбы, жизненные перипетии которого сродни героям Александра Дюма. Знатный боярин Федор Никитич Романов, будучи в двух шагах от царского престола, проигрывая политическую партию Борису Годунову, упускает свой шанс стать царем. Но, не желая уступать коварной судьбе, он проходит через многие испытания — насильственный постриг, ссылка в отдаленную обитель, польский плен и странные загадочные отношения с Самозванцами.

ISBN 978-5-44-908284-8

© Гаврилина Т.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Москва	6
ПЕРВАЯ ГЛАВА	9
Антониев Сийский монастырь	9
I	10
II	12
III	13
IV	14
V	15
VI	17
Москва	18
II	19
III	20
IV	22
V	24
VI	26
Путивль	28
Москва	30
II	32
III	34
IV	36
V	37
VI	39
VII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Филарет

Историческая повесть в стихах

Татьяна Гаврилина

© Татьяна Гаврилина, 2018

ISBN 978-5-4490-8284-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Москва 1601

Москва едва вступила в новый век,
Как на нее посыпались напасти.
Прошла зима. Сошел последний снег
И, молниями распоров на части
Небесный свод, обрушилась вода!
Дождь лил и лил. Тянулись дни, недели....
Народ терял терпение:
– Когда прояснеет?
Но за сырым апрелем
Последовал такой же гиблый май.
Поля прокисли, слабенькие всходы
Овса, пшеницы, ржи – весь урожай
Гнил на корню из-за дурной погоды.
На хлеб, что сохранился в закромах
Впрок, на посев, купцы взвинтили цены,
И голод мял и тер на жерновах
Истории и день, и ночь в три смены
Людские жизни. И народ взроптал!
Усилились погромы и разбои,
И всяк, кто на ногах был, стар и мал
Шел бездорожьем со своей бедою
В Москву – к царю с протянутой рукой
В надежде раздобыть кусочек хлеба,
Но наливалось новою грозой
И новым ливнем пасмурное небо.
И не было конца такой весне.
Крестьяне вымирали деревнями.
И вся дорога, что вела к Москве,
Пестрела бездыханными телами.
Над городом повис тлетворный смрад,
Им пропиталось каждое жилище.
– Царь – душегуб! Он в бедах виноват!
Он – Годунов¹! – злословил каждый нищий.
Сошлись на тайной вечере князья
И давние противники Бориса:
– Царь духом слаб! Бездействовать нельзя! —
Решали заговорщики: – Нет смысла!
– Да и не нашей крови он, мурза!
– Трон захватил коварством и обманом!
– Кто против Годунова? Все!!! Кто «за»,

Чтоб государем Федор стал, Романов?
Все согласились: – Федор – знатный муж.
– Романов к трону ближе всех по крови!
– Он честен сердцем! Он корысти чужд
И духом храбр, и крепкого здоровья!
Но Годунов зря время не терял —
Он поощрял доносы и наветы,
И сам нередко подло поступал,
Желая сжить кого-либо со света.
Борис не первый год жил при дворе.
Как азиат, он признавал не право,
А ловкость, хитрость, силу и расчет.
Ему уже давно мешал Романов.
Он понимал: Романов – царский брат,
Пусть сводный, но и этого не мало!
И за его права горой стоят
Известные фамилии, и рано
Иль поздно – люди эти задурят.
Ну, а травить царей они умеют,
Всего и дел-то – выбрать нужный яд...
И царь призвал на помощь казначея
Не своего – Романова слугу,
Осыпал его милостью и лаской
И приказал сокрыть в глухом углу
Их дома куль с сухой, душистой травкой,
Потом сложить донос: – «мол, на царя
Романовы – опасные злодеи
Готовят лихо – варят втихаря
Отвар из трав. По виду это зелье
Не что иное, как смертельный яд».
Царь протянул кошель:
– Твоя награда!
И перевел на казначея взгляд:
– Теперь ступай и сделай все как надо!
Сыск учинял окольный царя.
Он тряс перед Романовым доносом,
Тот возражал:
– Клевещет кто-то, зря!
Пустое! Вот кладовка. Это просо,
Это пшеница. Все запасы впрок!
Хозяюшка, накрой-ка стол для гостя!
Но гость направил палец на мешок:
– А это что? Придуриваться брось мне!
Суд над семьей Романовых был скор.
Романов Федор силой, по навету,
Пострижен был и внове наречен
Перед людьми и Богом – Филаретом.²
Царь рассудил:
– Уединенный скит —

Антониева пустошь... Чем не место,
Чтоб Филарет был всеми позабыт.
Нам с ним вдвоем в Москве давненько тесно!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Антониев Сийский монастырь 1601—1604

I

– Что встал как столб? Пошел отсюда прочь!
Да прихвати с собой пустые миски! —
Монах метнулся к приставу: – Помочь?!
У! – кулаком затряс он: – Пес Борискин!
Уйди! Да затвори плотнее дверь!
Бориска мыслил, что он самый хитрый,
Но похитрей его сыскался зверь!
Эй, пристав, ты слышал, царевич Дмитрий³
Не помер. Нет! Жив! И вернуть готов
Себе и трон, и шапку Мономаха.
Попрыгает еще твой Годунов.
Ждут его шею и топор, и плаха.
Сел на скамью:
– И я дождусь уже!
Мне зримы, пристав, и твои напасти...
– Брось, Филарет, монаху о душе
Пристало думать... А ты все о власти, —
Прервал его с усмешкой Воейков.⁴
– Слышал я, – он воззрился на монаха, —
От чересчур болтливых ходоков,
Что Дмитрий этот – выходец из ляхов.
– Врут! – Филарет зевнул.
– Еще есть слух, —
Продолжил пристав, – и такое треплют,
Что вышел он из ваших бывших слуг,
Что Гришка он, фамилия Отрепьев!⁵
Монах вскочил:
– Отрепьев?! Брешешь пес!
Не много ли вокруг Дмитрия тумана?
– Что сам слышал, то и тебе принес!
А ты никак взволнован? Эй, Романов!
Ты меня слышишь? Слышишь или нет?
Ну, что ты, как бодливая корова,
Уставился? Сознайся, Филарет,
Что для тебя молва эта не нова!
– Да помолчи ты, Воейков, я слышу! —
Монах был тих: – Ступай! А я вздремну.
Усердье, братец, может вызвать грыжу.
Ну, – он прикрикнул, – прочь! Иль прокляну!
Затряс большим тяжелым кулачищем:
– Вынюхиваешь все, юлишь как пес!
И, выпучив на пристава глазища,
Поднес ему кулак под самый нос.
Тот не смутился:

– Слышь, я разумею,
Что ты все знал о Дмитрие. Ведь так?!
А про себя смекнул, – «такой, скорее,
Прибьет, чем скажет. Осмелел монах,
Переменился, дерзок стал и вздорен.
Ой, чувствую, не зря это, не зря —
Топтун завелся. Он и носит с воли
Измену в скит. Уведомить царя?!
Нет! Нет! Спешу! Здесь надо все проверить,
С кем видится, беседуют о чем...,
– И Воейков два шага сделал к двери:
– Со временем дознаюсь обо всем».
– Ну, прощай, пока! – и пристав вышел,
Прислушался, вогнал в скобу засов.
– Вот так-то, – буркнул, – будут тебе мыши
Компанией на несколько часов.

II

А Филарет один в своей келейке
Холодной, полутемной и сырой,
В потертой рясе, в старенькой скуфейке
Метался от одной стены к другой,
И вместе с ним метался свет лампадки —
То замирал, то вновь пускался в пляс.
Теперь он знал, каким бывает шатким
Благополучье. Уж в который раз
пытался он сыскать беды начало.
Был молод, смел, был к подвигам готов,
Учен, но глуп, молился Богу мало,
Не опасался хитростей врагов.
Был и народу, и царю угоден,
Надеялся судьбу держать в узде!
Но как удержишь, если за поводья
Её не сам ты водишь, а злодей.
— И вот я где! Враги мои, смотрите, —
Развел он руки, — это Сийский скит,
Сам я — монах, чернец, а мой мучитель, —
Он сжал виски, — гонитель мой царит!
Но разве не должны мы были вместе
Делить с ним власть? Да он мне клялся в том!
Он обещал! А сам опутал лестью...
И я поверил! О, я был глупцом!
Он встал к стене, уперся в брус затылком,
Подумал: — «где-то так же вот жена
Монашествует в Заонежье, в ссылке...
Ну, ладно я! Ее-то, в чем вина?!
В чем дети пред Борисом виноваты?
Их-то за что всех в Белозерский скит
Сослал злодей?! Но близок час расплаты,
За всех за них Отрепьев отомстит!
Все в скорости должно перемениться...
Ужо дождусь!» — монах взглянул на свет:
— Темнеет, солнце рано здесь садится, —
И к образам склонился Филарет.
Лились слова в холодный сумрак кельи
И слышалось: — «...храни их, не покинь,
Дай силы мне...», — и, распрямив колени,
Трехкратное: — Аминь. Аминь. Аминь».

III

Тянулись дни в тоске, в смиреньи внешнем,
В молитвах, в покаянии, в постах,
Но теплилась в его душе надежда,
Что ссылка не конец пути – этап
И завершенье прежней ровной жизни.
А все стерпеть ему достанет сил.
Куда трудней, бежать от скорбных мыслей
О всех родных, кого Борис сгубил.
А их немало – мать, отец, три брата,
Их жены, дети, члены их семей.
«До всех добрался, душегуб проклятый,
Бойся, что мы родом познатней,
Что на престол имеем больше права,
Чем он, досель безвестный Годунов...»
Он вспоминал семью, детей ораву —
Горластых забияк и драчунов;
Хозяйство, дом, что срублен был добротню,
Конюшню, красногных рысаков,
Рыбалку, соколиную охоту —
Все то, что отнял силой Годунов.

IV

Раздумья дня сменялись сном тревожным,
Удушливым, и снился всякий раз
Ему один и тот же осторожный,
Опасный зверь со злобной парой глаз.
Зверь водит носом, он кого-то ищет,
Крадется в предвкушении борьбы,
Один прыжок – и вот с оскалом хищным
Он перед ним, поднялся на дыбы,
Когтями впился в плоть, отбросил к двери...
– Жаль, дверь закрыта! Где же Воейков?
И вдруг он видит перед собой не зверя —
Пред ним в звериной шкуре Годунов!
Царь – оборотень! Вот она разгадка
Злодейств Бориса! Это точно он!!!
И, распахнув глаза, готовый к схватке,
Он понимал, что это только сон.
Всего лишь сон, но так на явь похожий,
Как неподделен крик, животный страх.
– Вон и мурашки, – он взглянул на кожу, —
И липкий пот, и боль, и дрожь в ногах.
Ему хотелось выть, как волк на звезды
Протяжно воет, вскинув морду ввысь,
И подступала мысль, что слишком поздно
Надеяться, что ладной будет жизнь.
– Нет! Не хочу! Зачем мне жизнь такая?
Мой дух убог, он немощен от бед.
Пошли мне смерть, – ко Спасу подступая,
Все больше распалялся Филарет.
– Зачем унижен я? Зачем заброшен
Тобою в дикий и безлюдный край?
В чем пред Тобой я провинился в прошлом?
Что искупаю? Ну же, отвечай!
Молчишь? Молчи! Да я и сам все знаю!
И на скамье, свернувшись калачом
И глаз до бела света не смыкая,
Он все лежал и думал о былом.

V

Он вспоминал себя. Какой был щеголь!
А как любил обхаживать девиц!
И мало кто из них морали строгой
Придерживался, но...
– Женись! Женись! —
Ворчала мать и к месту, и не к месту:
– Довольно с тебя славы вертуна.
Берись за ум! Пора! Отец невесту
Давно сыскал! Из Шестовых^б она.
Он возмущался:
– Нет во мне охоты
С женой скучать. Вот нагуляюсь всласть...
Но оженился, не прошло и года,
Уж шибко Ксения по сердцу пришлась —
Умна, мила и статна, и здорова —
Все в меру, не добавить – не отнять,
И вздорною бывала, и покорной,
И пожурить могла, и приласкать.
Была в заветных умыслах подмогой,
Но с горечью корила всякий раз:
– Ой, Феденька, ты не боишься Бога,
А ведь ему все ведомо про нас.
– А, может, нет! – смеялся он: – Дуреха,
Ему на всех на нас не хватит глаз.
Ты лучше языком поменьше трекай,
А то услышит кто не в добрый час.
Но Ксения не сдавалась:
– Федор, любимый,
Не искушай судьбу, остерегись,
Боюсь я, кабы ни случилось худа...
Он обрывал ее:
– Жена, уймись!
Она смирялась, но смотрела строго,
Вдруг принимаясь заново пенять:
– Какой ты, Федор, нравом твердолобый!
А он сердился:
– Полно зря болтать!
Семейных уз боялся он напрасно.
Родился сын, потом за сыном – дочь...
Другие были дети... О, как часто
Казалась им двоим короткой ночь!
Он избегал о том воспоминаний,
Гнал прочь, но нет, не мог их побороть,
И прежние забытые желанья
Терзали дух и изнуряли плоть....

VI

Но наступало утро и смотритель,
Как и вчера, как много дней подряд
Входил без стука в келью:
– Жив, хулитель,
Царя Бориса?! Что молчишь? Не рад!?
И мне, поверь, совсем не до веселья!
А, впрочем, нам друг друга не понять...
И, густо изрыгая дух похмельный,
Надсмотрщик жалил:
– Мягко было спать?
И так – без перемен шел год за годом
В краях далеких, среди людей чужих
И, если б ни услуги доброхотов
Из пришлых богомольцев, о родных
Он не имел бы никаких известий,
Не знал бы, живы ль дети и жена,
Что с младшим братом, и каким бесчестьям
Подверг их всех коварный Сатана.
Но Воейков служил Борису верно
Не за коврижки, он служил за мзду
И проявлял усердье соразмерно
Вознагражденью. Он привык к труду,
Знал свое дело. Чтоб не быть в накладе,
Он наблюдал, подслушивал, следил
И все царю отписывал в докладе,
Надеясь всякий раз, что угодил.
Но Филарет был узником особым.
Царь сам его о том предупредил:
– Не проморгай, бди за монахом строго,
Гляди, чтобы чего не натворил!
И пристав не дремал, провел дознание,
Обдумал факты... Мысль и подалась:
– Конечно, богомольцы! Их свиданья
С Романовым – и есть живая связь
Монаха с волей! Значит, так про Гришку
Он все и сведал, – понял Воейков:
– Включу в доклад царю – не будет лишку!
И расписал все, не жалея слов.

Москва 1604 I

Царь испугался:
– Вот как! Не забыты
Романовы в Москве. Народ их ждет!
И приказал в ответ: – «... закрыть приход,
Романова возвесть в архимандриты...».
– Как я могу к нему быть милосердней? —
Вскипел Борис:
– Он должен быть сокрыт
От всех! Пускай еще усердней
Псалтырь читает, а то много мнит
Сам о себе, надеется расстричься,
Утраченные почести вернуть...
Нет, Филарет, такого не случится! —
воскликнул Годунов:
– О том забудь!
Не быть тебе помехой мне и сыну,
И лучше на моем пути не стой.
Мне было б легче свести тебя в могилу,
Чем так вот канителиться с тобой.
И свел бы! Но боюсь усилить ропот
Среди бояр. Боюсь озлить народ.
Нет трепета ни в ком! Уже холопы
Строчат доносы на своих господ.
Кругом враги... А сколько из них скрытых?
Всех нужно до единого сыскать! —
Царь посмотрел на стопку челобитных:
– Спускать нельзя! В острог всех и пытаться!
Пытать! Боярам больше веры нету.
Я чувствую их сговор за версту!
И он вернулся в мыслях к Филарету
И дописал письмо: – «... держать в скиту
Без послабления, чтобы ни случилось.
Пусть служит Церкви, Богу, Небесам...»
– А здесь, – развел он руки, – я и милость,
и наказание воздаю. Все сам!

II

И воздавал! Казнил кого за дело,
Кого по ложной кляузе за зря,
И мало чье семейство уцелело
Нетронутым по милости царя.
Москва роптала:
– Царь ума лишился!
– Осунулся, нет на царе лица!
– Опаслив стал, уж год как затворился
В Кремле, не кажет носа из дворца!
Сгустились слухи над Москвой, как тучи:
– Царевич Дмитрий жив! Жив и здоров!
– Нет, не было с ним никакой падучей.
– Довольно мы слышали брехунов!
– Да то не Дмитрий! Гришка или Семка!
С огнем играют, лезут на рожон!
– Царевич Дмитрий был еще ребенком,
Когда убийца ткнул его ножом.
– Все враки это! Парня не убили!
Погиб тогда мальчонка, но другой...
А Дмитрия Нагие схоронили
От Годунова!
– Мальчик был больной!
Был слаб! А этот чересчур проворный
И на царя нисколько не похож.
Нет, то не он!!!
– Царевич сам по горлу
В припадке полоснул себя...
– Вот ложь!!!
Все Годунов! На нем оно – злодейство!
– Не мог царевич сам себя убить!
– Лют Годунов! Знатнейшее семейство
Романовых посмел искоренить!
– Трон занял через кровь, а не по праву.
– Забился и сидит в норе, как крот.
Ну, ничего и на него управу
Царевич Дмитрий вскорости найдет.

III

Борис боялся всех – бояр, народа,
Юродивых, ведуний, колдунов
И Самозванца. Вот уж больше года
Не появлялся он среди крикунов.
Он вспомнил ведьму старую.
– «...ты грешен,
Кровь на тебе», – трясла она клюкой
И все твердила:
– «царь ты – царь потешный.
Не долго ждать, нас примет царь другой».
Он отскочил тогда от полоумной.
– Прочь! Прочь! – вскипел:
– Эй, вырвать ей язык!
Но ведьму заслонил народ:
– Не вздумай!
Блаженная она! – разнесся крик.
Он с той поры не покидал покоев.
– Нет, нет, – твердил, – моя вина не в том,
Что Дмитрий мертв. Он сам своей рукою
Убил себя. Моя вина в другом.
Кем был я? Царским шурином. Как лестно
Быть тенью слабоумного царя,
Всегда покорной и всегда полезной.
Но должен ли я был стараться зря?
И все что знал, что было мне знакомо
И дорого в течение многих лет
Взять и отдать кому-нибудь другому?
Пусть меня судят за ответ мой: – Нет!
Пусть упрекнут фамилией безвестной,
В злодействах обвинят, моя вина
В том, что я алчен был, корыстен сердцем,
Что страсть моей души была темна.
Я жаждал власти полной, абсолютной!
Я предавал друзей, казнил врагов,
Казалось мне, что властвовать нетрудно.
Я ошибался! Тяжелей оков,
Чем доля государя, нет на свете!
Отречься?! А что дальше? Вот вопрос!!!
Меня ждет постриг. Ну, а как же дети?
И царь вздохнул:
– Нет! Лучше на погост,
В небытие! Так будет много лучше!
Я уж и зелье для себя припас.
Ну, а пока вернемся к дням насущным.
И он себя спросил в который раз:

IV

– Кто? Кто на самом деле Самозванец,
Что свою жизнь не ставит даже в грош?
И чей он будет – свой иль иностранец?
На первый взгляд не сразу и поймешь.
Допустим, это он – Отрепьев Гришка, —
Продолжил размышленья Годунов, —
Но, кто тогда так обольстил парнишку
От роду лишь семнадцати годов,
Что он свершил такое преступленье —
Царем назвался!?! Вряд ли б он посмел
Так далеко зайти без одобренья
Самих бояр. Кто в одиночку смел?!
Безумец!?! Нет! Виной всему поляки —
Их нездоровый, зверский аппетит!
Да! Их король давно желает драки
Со шведами. Конечно!!! Он мне мстит
За то, что я от драки отказался.
Пусть сам воюет с ними! Мне война
Со Швецией, – Борис разволновался, —
Иль с той же Польшей вовсе не нужна.
Пусть все решают сами, меж собою!
И все-таки, мог иль не мог король
Настолько вдруг проникнуться игрою,
Чтоб своему – поляку выбрать роль
Лжедмитрия? Мог иль не мог? Как сведать?
Пожалуй, нет! Он должен был смекнуть,
Что, вызнав все, Русь в гневе может к шведам
На полном основании примкнуть.
Выходит, это все-таки Отрепьев! —
Сдавило грудь, в лицо ударил жар, —
– Видать, не зря, не зря в народе треплют,
Что Дмитрий – это заговор бояр.
Король в тени. А что он потеряет,
Когда исход окажется плохим?
Немного средств! Ведь Гришку он снабжает
Деньгами. Мне сдается, что и Рим
Охотно Самозванцу потакает.
У Рима свой к России интерес.
А Гришка – он не только обещает,
Он наизнанку крестится! Балбес!
Пора найти, пора поймать злодея! —
Борис ударил кулаком о стол.
– Никто не смеет, нет, никто не смеет, —
Вскричал он, – у меня отнять престол!!!
Пытать и вызнать все у иноверца!

Бояре мне ответят головой!
Вдруг образ убиенного младенца
Возник пред ним. Борис взмахнул рукой.

V

– Зачем ты здесь?! Зачем?! Прочь! Прочь! Изыди!
Я знаю, тебя нет! Ты – тень, туман.
Не подходи! Эй, кто там? Помогите!!!
Басманов,⁷ посмотри, кто это там!
– Где, государь? – он осмотрел покои.
– Здесь никого!
– Ты смотришь не туда!
Вон в том углу, – царь указал рукою, —
– Смотри, смотри! Ты видишь его? Да?
– Нет, государь! Сквозняк качает полог, —
Он подошел и приподнял парчу.
– Да как же, нет! Вглядишь, вот он – ребенок.
Гони! Я его видеть не хочу!
И Годунов закрыл глаза ладонью:
– Он здесь еще?
(Басманов промолчал).
– Гони его! Гони! Иль ты не понял?
Басманов, ты прогнал его?
– Прогнал!
– Ну, слава Богу! – царь перекрестился:
– Который день приходит и молчит.
– Борис Василич, мальчик вам примнился, —
Вдруг возразил Басманов: – Кремль закрыт.
– Ты ничего не понял, воевода!
Закрыт иль нет – мальчишке все равно!
Мне говорить с тобою нет охоты.
Ступай и занавесь плотней окно.
Басманов вышел, постоял у двери,
Прислушался. Не слышно голосов.
– Блажит Борис, – Басманов был растерян,
– Закроется и кряду столь часов
Сидит впотьмах. Тут не один мальчишка
Привидится, а нечто пострашней, —
Вздыхнул Басманов:
– Царь, пожалуй, слишком
Опаслив стал, пугается теней.
А царь хворал. Но лекарь правил тело,
А у него недужила душа,
И с каждым днем все более чернела,
И нечем было душу утешать.
В ней что-то безвозвратно надломилось,
Лишив притока новых свежих сил,
Оставив боль, что с давних пор копилась,
Да тяжкий грех, что он не отмолил.
Стал белый свет царю совсем не милым,

А по округе разнеслась молва,
Что Годунов с нечистой связан силой,
Что у него дурная голова.
– Бес, не иначе, над царем глумится!
– Изводит! – говорили шепотком.
– Какого-то мальчишку он боится.
– И поделом ему, и поделом!!!

VI

А Годунов сидел в Кремле без дела,
Перебирая в мыслях воевод:
– Мстиславский⁸ плох, воюет неумело,
Под Новгородом встал, да письма шлет.
Ни одного нет на победу шанса, —
Вздыхнул Борис:
– Чего он только ждет?
Войск вдвое больше, чем у Самозванца!
Нет, пишет снова: – «... надобно еще...».
И Дмитрий Шуйский⁹ тоже с Самозванцем
Не хочет встречи – медлит воевать,
И не идет к Мстиславскому. Под Брянском
Стоит и пишет, тоже просит рать.
Ужели сговорились меж собою
И оба мне в глаза пускают пыль? —
Раздумывал Борис:
– Вон сдал без боя
Мосальский¹⁰ Лжецаревичу Путивль.
Сдается мне, лукавят воеводы,
Потворствуют разбойнику, юлят.
И никакой не видно в них охоты
Сниматься с мест и в бой вести солдат.
В войсках разброд. Князья не держат слово
И ездят к самозванцу на поклон.
Донос пришел, что будто Салтыковы¹¹
Лжедмитрию отдали крепость Крон.
Не вывел змей... Теперь вот весь искусан...
Василий Шуйский¹², как и брат, хитрит,
Плетет измену во сто крат искусней,
Таит одно, другое говорит.
Ни одного хорошего известья,
Ни одного! О, как же я смешон!
Какою ложью и коварной лестью
Я был все это время окружен.
И вот все растворилось в одночасье...
Как жадно я глотал всевластья хмель,
Не распознав в нем страшного несчастья.
О, как похмелье тяжело мне теперь!
Борис вздохнул:
– Моя душа в унынье,
Ей не осилить более ни дня.
И он подумал с нежностью о сыне:
– Быть может он удачливей меня.
Ну, вот и все! Тебе меня не жалко? —

Борис взглянул на тень:
– Ты здесь давно?
Ну, что ж смотри! И он, наполнив чарку,
Вдруг выпил яд бесстрашно как вино.

Путивль 1605

Все в сборе: Шереметьев¹³, Салтыковы,
Голицыны¹⁴. Лжедмитрий на коне.
Любимый воевода Годунова —
Басманов остается в стороне.
Не видя пользы от своей отваги
В войне, в которой не было врагов,
Где все свои, он изменил присяге,
Что взял с него когда-то Годунов,
Нарушил обязательства и клятву
Быть верным государю.
— Как я мог? —
Он укорял себя, — я — воин ратный
Поверить в то, что Дмитрий — не подлог?!
Ведь я все вижу! Вижу, непохож он
На Дмитрия — мал ростом и крепыш,
Рябая и веснушчатая рожа,
И некрасив лицом и грязно-рыж.
— Нет, — отступил Басманов, — невозможно!
Царь ряженный! Он — лжец! Он просто шут!
И спохватился:
— Все! Теперь мне поздно
О том кричать. Меня или убьют,
Иль назовут при всех умалишенным, —
Он оглядел собравшихся бояр:
— Здесь все играют подданных... Притворно
Внимают Самозванцу. Вот скандал!!!
Он вдруг услышал шепот Салтыковых
И обомлел. Забились в голове
Слова:
— Убили сына Годунова!
Убили Федю!!! Кто? Кто там в Москве
Решился на такое преступленье?
Что сотворили? Ох, и подлецы! —
Кипел Басманов:
— Нету им прощенья!
И горестно вздохнул:
— Грешат отцы,
А искупают их ошибки дети!
Да разве Федя, Федор виноват
В грехах отца, чтоб за него в ответе
Быть пред людьми? Да что ж они творят?
Он вдруг представил на минуту лица —
Молчанова¹⁵, а с ним других князей

И сокрушился:
– Как! Как мог Голицын
За дело взяться, гаже и грязней
Которого быть среди людей не может!
Плох был Борис – злодей, боярам чужд.
А кто они? Иль совесть их не гложет?
Иль нет вокруг иных забот и нужд?
Лжедмитрий – плут, его забудут скоро,
Как только он свою исполнит роль.
Его сметут потом все той же сворой
И всем объявят – «Самозванец – голь».
Парнишку жаль... Годами он, как Федя,
И, как зверек, опаслив, я гляжу.
Ну, что мне делать одному на свете?
Возьму, да Самозванцу послужу!
Решить – решил, но был душой не весел,
Печалил душу совести укор.
А Самозванец Гришка через месяц
По-царски въехал на кремлевский Двор.

Москва 1605 I

Входи. Садись. Отрепьев зорким взором
Взглянул на Филарета. Сел на трон.
– Я пригласил тебя для разговора.
А, что ты в самом деле удивлен?
– Признаться не хотелось верить вздору, —
Монах взглянул на Гришку:
– Думал, врут!
– Нет, просто это все пришлось мне впору —
Одежды, шапка. Сапоги не жмут!
Ну, а потом, (да ты держись смелее!)
Могу тебе напомнить, Филарет,
Что это ты мне подарил идею
О воскрешенье Дмитрия!
– Нет! Нет!
Чего ты мелишь, Гришка? Бог с тобою!
Да то была пустая болтовня.
А ты совсем не дружишь с головою!
– Нет, это ты, ты заразил меня!
Я с той поры уже не знал покоя
Ни одного единственного дня.
Я думал, что же сделать мне с собою,
Как убедить всех в том, что Дмитрий – я!
Я так увлекся этою затеей,
Так живо и так ярко представлял
Себя другим, что скоро сам поверил,
В то, что царевич Дмитрий – это я!
А вдруг все так и есть на самом деле?
А вдруг и впрямь я скрылся от убийц.
– Как это может быть? Да, что ты мелешь?
Послушай сам себя! Остановись!
– Теперь уж поздно! Да и неохота!
Я – царь! Какой огонь горит во мне!
Пока князья друг с другом сводят счета,
Я нужен всем! Я нужен и тебе!!!
– Мне – нет! Я в эти игры наигрался
И более играть – мне смысла нет!
– Сдается мне, ты рано расписался,
Ты позабыл о сыне, Филарет!
– Сын слишком мал!
– На этот день!
– И что же?
– Ты должен думать о его судьбе!

Давай друг другу, Филарет, поможем.
Сегодня ты мне, завтра- я тебе.
– Чем я могу помочь тебе сегодня?
Ты признан целой сворою бояр.
– Ты прав, Никитич, прав, но ты мой «сродник»!
– Ложь это все!
– Да выпусти ты пар!
Не хочешь как царю мне поклоняться?
Что так? Спина? Другое что болит?
– Тебе бы Гришка нужно опасаться
Всех тех, кто пред тобой сейчас юлит.
– Ты изменился.
– Поумнел в неволе.
– Но за меня горой стоит народ!
– Не думаю, ведь ты теперь католик,
Вероотступник. В этом твой просчет.
– Ты недоверчив стал, отгородился
От всех душой. Лукав ты, Филарет!
– Ты тоже. Так зачем перекрестился,
Ответить можешь прямо или нет?
– Причины две! Начну, пожалуй, с личной, —
Отрепьев неохотно с трона встал, —
Во-первых, я увлекся католичкой...
И Филарет заметил, как он мал,
Как суетлив и как самонадеян.
Подумал про себя:
– Каков глупец!
– А, во-вторых, что для меня важнее, —
Услышал Федор, – недостаток средств.
Я, может быть, назвал причин и больше,
Но все они не стоят этих двух.
Мои карманы пополняет Польша,
Но говорить о том не стоит вслух.
Вы чересчур к католикам суровы,
Я это все обдумывал всерьез.
По заповедям нужно жить Христовым,
А как кому креститься – не вопрос!
Он помолчал, взглянул на Филарета:
– О деле не пора ль поговорить?
Но Федор уклонился от ответа:
– Башки тебе, Григорий, не сносить!

II

Отрепьев рассмеялся:

– Ладно! Ладно!

Давай-ка без гаданий поживем.

А голова – она всегда накладна,

Вся дурь и блажь исходят от нее.

Теперь о деле! Что насторожился?

Хочу я, чтобы ты, как «сродник» мой,

Прилюдно перед всеми побожился,

Что я – царевич Дмитрий.

– Бог с тобой!

– Твоя услуга будет не забыта

И дорогой оплачена ценой.

Я возведу тебя в митрополиты

Епархии Сам выбери, какой!!!

– Ну, что же, «царь», премного благодарен.

Цена достойна, что ни говори.

Но ты в Кремле, ты назван государем,

Кому нужны свидетельства мои?

– Всем, в ком еще не улеглись сомненья, —

Отрепьев был заметно возбужден:

– А главное, я полон нетерпенья!

Хочу быть, Федор, венчанным царем!

– Ну и венчайся, разве есть преграды?

– Есть и немало, лгать мне не с руки.

Я не хочу навек уснуть от яда

Или, и впрямь, остаться без башки!

– Вот значит как? Боишься покушенья?

А говоришь, что «признан», что «любим»!

– Любим и признан бедным населеньем,

А надо, чтоб был признан остальным.

Вот и прошу, признай меня как «сродник».

– Как «сродник»? Нет! Меж нами нет родства!

– Есть! Твоя тетка...

– Тетка? Ах ты, сводник!

– Ничуть! Она была женой отца!

– Отца? Ты это говоришь серьезно?

И кто же твой отец, позволь узнать? —

Романов злился.

– Его звали Грозным.

– Ах, Грозным! Ну, а кто же твоя мать?

– Мария по фамилии Нагая.

Она была его восьмой женой,

А твоя тетка первой.

– Понимаю!!!

Но родственной то связи никакой! —

Он рассмеялся: – Ну, а как Нагие?
Ужель и их сумел уговорить?
– Не вдруг, не сразу, но...
– Так что ж Мария
Тебя готова сыном объявить?
– Дала согласие.
– Ясно. А другие?
– С другими я пока не говорил, —
Он хохотнул: – Мне не нужны чужие,
Уговорить бы близкую «родню».
Он посмотрел в упор на Филарета,
– Я – царь и до конца идти готов.
Епархию берешь? Нет? Жду ответа!
И Филарет кивнул: – Беру Ростов!
Хоть и мелькнула в голове мыслишка:
– Да как царем и князем всей Руси
Отныне будет плут – Отрепьев Гришка?
Он уж хотел ответить: – Не проси!
Но не посмел.
– Что ж, прошлое забудем! —
Отрепьев Филарета приобнял.
– А ты не прости! Но ссориться не будем,
Что ты в Ростов сбегашь от меня.

III

– Вот как бывает! – Федор сбит был с толку:
– Выходит, Гришку я в цари подбил?!
Но он в ту пору был совсем ребенком,
Как говорят, пешком под стол ходил.
Кто б мог подумать, что все так случится?
Дурной для подражания пример!
Был иноком, потом сумел расстричься.
Не ожидал таких в нем перемен.
Увлекся? Заигрался в государя?
Пропил и честь, и совесть, и мозги?
Холоп! Ан, нет! Туда же – царством правит!
Куда ни кинешь взгляд – одни враги.
Где Шереметьев, братья Салтыковы,
Голицыны? Их больше рядом нет!
Им Гришка нужен был, чтоб Годуновых
Спровадить всем семейством на тот свет!
Спровадили и, где они все? Нету!
Эх, Гриша, ты не понял одного
И главного, что песня твоя спета,
На трон бояре метят своего.
Конечно, им придется выждать время,
Окрестный люд в подлоге убедить,
Расшевелить в нем прежние сомненья,
Усилить ропот. Гришке поцарить,
Я думаю, недолго доведется.
Венчанье его тоже не спасет.
И венчанным царям у нас живется
Небезопасно. Кто от яда мрет,
Кто от убийц наемных. Вот что странно, —
заметил Филарет, – из воевод
При Гришке закрепился лишь Басманов,
Причем, его любимчиком слывет,
Обласкан, как когда-то Годуновым.
Хотя, здесь вовсе странности и нет.
Басманов – человек средь знати новый,
А потому чужой. Вот в чем секрет!
Чужд всем и Гришка, хоть он и назвался
Царевичем и внешне – многим друг.
Ну, а надежно, прочно не вписался
Ни в тот и ни в другой боярский круг.
Боярам Гришка нынче не угоден.
И хоть мне с ним сблизиться смысла нет,
Но я, благодаря ему, свободен,
И сын, и Марфа, – думал Филарет:
– Мне его просьбу выполнить несложно.

Потом покаюсь. Только вот пред кем?
Пред теми, кто вперед меня подложно
Назвали его Дмитрием – царем?
Но, кто из этих в меня камень кинет?
Все захотят остаться в стороне.
И он подумал с нежностью о сыне
И с затаенной грустью о жене.

IV

Мал еще сын и робок, и бесстрастен,
Нрав кроткий – ни в меня пошел, ни в мать,
Должно быть, в тетку, в мою тетку Настю...
Тихоня! А, поди ж, сумела взять
И укротить строптивого супруга.
Молва о них по всей Москве слыла,
Будто, им тяжело было друг без друга,
Будто, любовь у них в семье была.
Недолго только.... Мир вокруг не познан!
Угодно ли то было небесам
Или врагам, но царь с тех пор стал Грозным....
Кто отравил ее, дознался сам.
Она и умирала так покорно,
Боясь наивно, что ее супруг
Последует за ней в печали черной...
И почему я это вспомнил вдруг? —
Он помрачнел:
– В нее то и удался
Мой Мишка. Теткин нрав и так же хвор,
И так же верит хитростям боярским...
А их только пусти на царский двор,
Так они тут же и начнут лукавить,
Свой интерес преследовать во всем,
Да выгоду искать... Сподручней править
Нам будет с Мишей в будущем вдвоем.
– А что? – и Федор снова размечтался:
– Сын – государь, а я – его отец.
Сомнений нет – наш бы союз удался!
Мне – власть, а сыну – скипетр и венец!
Не плохо б получилось, в самом деле,
Не плохо б, – заключил он горячо
И спохватился:
– Долог путь до цели,
Воды еще немало утечет.
Все впереди – мечты, свершенья, планы...
Плыл над Москвою колокольный звон,
И Филарет взгрустнул:
– Нет, слишком рано
Нам с Мишкой рассчитывать на трон.

V

К тому ж на трон охотников немало.
Василий Шуйский всех других ловчей,
Глядит на трон, как кот глядит на сало.
А он умеет изводить царей.
Взять Годуновых – и отца, и сына
Хоть в их крови он рук не замарал,
Но в смерти их он больше всех повинен!
Кто, как не он, Бориса запугал?
Кто обвинял его во всех пороках?
Ведь это Шуйский в Угличе пытал
Всех тех, кто так расправился жестоко
С царевичем. О, он немало знал!
И свои сети расставлял искусно.
А страсти в нем всегда были черны.
Он исподволь внушал Борису чувства
Сомнения и тягостной вины.
Пожалуй, Шуйский более порочен,
Чем Годунов, – отметил Филарет, —
Его ни червь раскаянья не точит,
Ни жалости в нем к своим жертвам нет.
Голицын тоже б мог в цари податься,
Но он в сравненье с Шуйским не идет —
Красавец, любит в обществе вращаться,
А Шуйский – домосед, наоборот.
Голицын полон к действию охоты,
А старый князь для грязных дел своих
Использует других людей без счета.
Ведь он – Голицын был в числе троих,
Что сына Годунова удавили.
Не погнушался! Вот тебе и князь!
Но сколько бы убийцы рук не мыли —
Кровь не отмыть ничем – она не грязь!
И Шуйский это лучше многих знает —
Чист, не запятнан, хоть смотри на свет,
Не лезет в драку, медлит, выжидает,
Когда наступит и его момент.
Он скоро и Отрепьева погубит.
Кто перед ним, ему ведь все равно!
Голицына народ теперь не любит,
А Шуйского не любит уж давно!
Быть с ними или против них опасно.
Мне выгодней держаться в стороне,
Подальше от Москвы, где слишком часто
Меняются цари. И хоть во мне
Они теперь соперника не видят, —

Подвел итог раздумьям Филарет, —
Но Шуйский злонамерен, жаден, скрытен,
Он может причинить мне много бед.
Пусть думает, что я опалой сломлен,
Что я монах, что я духовный чин
В новой своей участи доволен.
А между тем мой малолетний сын
Окрепнет и права свои упрочит.
Пускай живет пока в монастыре
При матери. Он сам того же хочет.

VI

И Филарет направился к жене
Поговорить, как на духу открыться,
От будущих невзгод предостеречь.
Но он никак не мог приноровиться
К ней новой. Он боялся этих встреч,
Бранил себя, что суж с ней поневоле,
Что видеть ее так и не привык
В монашеской одежде и в куколе.
И вдруг подумал:
– Вот ведь я – мужик
И то успел немало измениться.
Ну, что теперь могло б ее привлечь
Во мне? Пожалуй, что косица, —
Он усмехнулся, – та, что ниже плеч.
И все-таки, – вздохнул он с сожаленьем, —
Нет Федора во мне, как не ищи,
И в Марфе нет той пылкой, страстной Ксеньи...
Другие мы, ропщи иль не ропщи.
Все в руках Божьих, – он перекрестился,
И вот уже к собору подходя,
Увидел сына, что в песке возился
С мальчишками у стен монастыря,
Окликнул:
– Мишка, чем это ты занят?
Тот помахал рукой:
– Сейчас, отец!
Но Филарет ответил:
– Сын, я к маме.
А про себя подумал:
– Сорванец!

VII

Жену застал он за молитвой в келье,
Но, не желая Ксении мешать,
Присел на лавку, молча, в отдаленье,
Готовый сколько нужно подождать.
Но Филарету ждать пришлось недолго,
Жена устало поднялась с колен:
– Ну, здравствуй. Повидать пришел ребенка?
В нем никаких особых перемен.
Он промолчал. Сказать ей:
– Здравствуй, Ксюша,
Иль здравствуй, Марфа. Как ее назвать?
Но, не придумав, как здесь будет лучше,
Проговорил:
– Пришел потолковать.
– Потолковать? Ты чем-то растревожен?
И он отметил и не в первый раз,
Что голос Марфы чересчур спокоен,
Что выцвел омут ее синих глаз.
И Федор сник:
– Я, Марфа, за советом.
– Ну, говори. О чем же будет речь?
– О сыне, – не замедлил он с ответом:
– Его должна ты более беречь.
– Нам с сыном снова что-то угрожает? —
Она всем телом подалась вперед.
– Нет, ничего. Я видел, он играет.
– Не понимаю, что тебя гнетет?!
Страх Филарета стал и ей понятен,
Когда он объяснился до конца.
Он уходил, как в келью с криком:
– Тятя!
Вбежал их сын и приобнял отца.
– Ну, все довольно, – обронил он сухо:
– Будь мужиком и отряхни штаны —
они в песке. Займи его наукой, —
Он обернулся в сторону жены:
– Ему не гоже вырасти невеждой,
Ведь ноша царской власти нелегка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.